

О МОЕЙ ТЮРЕМНОЙ ЖИЗНИ НА ОСТРОВЕ ИМРАЛЫ



АБДУЛЛА ОДЖАЛАН

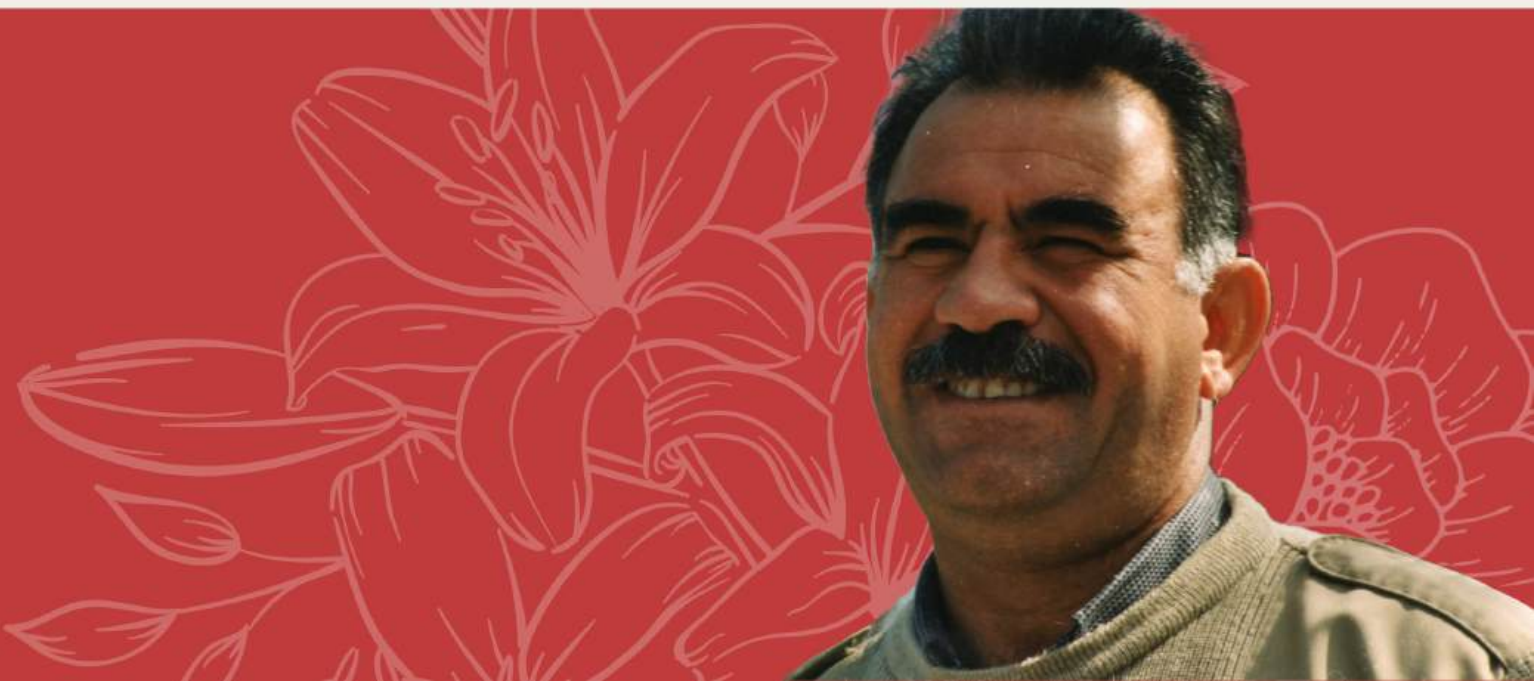


О моей тюремной жизни на острове Имралы

Абдулла Оджалан

В письме в Европейский суд по правам человека* Абдулла Оджалан описывает условия своего одиночного заключения на острове Имралы, где он содержится с 1999 года. Он описывает суровую изоляцию, ограничения в общении, а также психологические проблемы, с которыми он сталкивается, проливая свет на свой опыт и методы сопротивления на протяжении более чем двух десятилетий заключения.

*Письмо впервые опубликовано на английском языке изданием Medya News:
<https://medyanews.net/the-single-comprehensive-address-of-an-isolated-political-prisoner-to-the-outside-world-ocalans-letter-to-echr>



Во всех моих беседах и защитных заявлениях до настоящего момента я избегал говорить о своей личной жизни. За исключением общих разговоров о проблемах со здоровьем и отношениях с администрацией тюрьмы, я не говорил о том, как я сопротивлялся изоляции, которую система разработала специально для меня и только для меня, или как я выдерживаю одиночество. Я думаю, что жизненные практики, которые я выработал против этого абсолютного одиночества и бездеятельности, будут тем, что привлечёт наибольшее любопытство. Когда я был ещё маленьким мальчиком, старейшина в нашей деревне, которого ценили за его мудрость, наблюдал за моим поведением и действиями, и сказал мне то, что я до сих пор отчётливо помню: «Lo li cihê xwe gûne, ma di te da cîwa heye?», что в переводе означает: «Сиди спокойно, у тебя в жилах ртуть?» Я был таким же энергичным, как ртуть подвижной. Боги древних мифов, вероятно, не могли бы придумать для меня худшего наказания, чем привязать меня к скалам Имралы.



Тем не менее, я провёл двенадцать лет¹ в одиночном заключении на этом острове. Имралы печально известен как остров, где высокопоставленные государственные чиновники отбывали наказание на протяжении всей истории. Климат здесь одновременно и чрезвычайно влажный и суровый. Он приводит к физическому ухудшению конституции тела. Добавьте к этому изоляцию в закрытой комнате, и изнурительное воздействие на конституцию ещё больше усилится. Кроме того, меня поместили на этот остров, когда я начал стареть. Я содержался под надзором Командования сил специального назначения в течение длительного времени. Думаю, прошло около двух лет с тех пор, как Министерство юстиции взяло на себя надзор за мной. У меня не было никаких средств связи с внешним миром, кроме одной книги, одной газеты и одного журнала за раз, и радио, настроенного только на одну станцию. В смысле коммуникации вся моя вселенная состояла из получасовых визитов моего брата каждые несколько месяцев и еженедельных визитов адвокатов, хотя эти визиты часто сокращались из-за «неблагоприятных погодных условий». Конечно, я не умаляю эти факторы в своём общении, но их было недостаточно, чтобы удержать меня на ногах. Мой разум и моя воля должны были гарантировать, что я удержусь на ногах и не деградирую.

Я уже изолировал себя и подготовил себя к одиночеству, пока был снаружи. Я практиковал эксперименты по превращению отношений с семьёй, близкими родственниками и даже близкими друзьями и товарищами, которые составляют значительную зависимость, в абстрактные.

Отношения с женщинами также были значимыми для меня, и среди них были те, что я делал абстрактными. Я был полной противоположностью Назыма Хикмета (революционный поэт, подвергавшийся преследованиям). Я поклялся не иметь детей. Когда я ещё учился в старшей школе, я получил высшую отметку от своего учителя литературы за эссе под названием «Для меня ты ребёнок, который никогда не родится». Я думаю, что мне было важнее разобраться с детскими жизнями, которые проходят в лишениях. В любом случае, этого опыта недостаточно, чтобы объяснить мою стойкость в Имралы. Я не считаю себя должным продолжить, не упомянув об следующем: заговор против меня во время процесса Имралы не оставлял после себя ни капли надежды. Затянувшийся процесс и психологическая война, связанная со смертным приговором, имели ту же цель. В первые дни даже я не мог понять, как я смогу выдержать. Я не мог себе представить, как я смогу продержаться хотя бы один такой год, не говоря уже о нескольких. У меня была мысль, которая наполнила меня сожалением: «Как я смогу держать тысячи людей в маленькой комнате?».

Поистине, как лидер Курдского национального руководства, я превратил себя — или меня превратили — в синтез миллионов людей. Таково было и восприятие ситуации народом. Если для большинства людей невозможно вынести разлуку со своими семьями или детьми без надежды на воссоединение, как же я вынесу такую разлуку с волей миллионов, объединённых до самой смерти, без надежды на воссоединение?

Мне не передавали писем от других людей, даже тех писем, что состояли всего из нескольких строк. До сих пор я не получал никаких писем, за исключением отправленных товарищами по застенкам, подвергшихся строгой цензуре и сильно отредактированных, и вообще никаких писем извне. Я также не мог отправить ни одного письма.

Всё это может помочь в понимании условий изоляции в некоторой степени. Но были определённые аспекты, уникальные для моего положения. Я нахожусь в положении того, кто руководил появлением многих принципов, касающихся курдов. Я поспособствовал появлению наших людей во всех социальных сферах, но я не смог оставить их в надёжных руках или в безопасных условиях.



Подумайте о влюблённом: он сделал первый шаг к своей любви, но как только их руки вот-вот встретились, они так и остались в напряжении. Таковы были мои скачки к свободе из социальных сфер, оставшиеся в таком же напряжении. Я фактически растворился в сферах социальной свободы. Я оставил очень мало после себя, чтобы называть себя «собой». Процесс тюремного заключения в социальном смысле начался именно в такой момент. Внешние условия, государство, администрация и сама тюрьма могли бы быть достойными королей, но это всё равно не объясняло бы, как можно было переносить созданную для меня изоляцию. Базовые факторы не следует искать в условиях или подходе государства.

Определяющим фактором было то, как я смогу убедить самого себя в вопросах изоляции. Какие веские причины мне понадобились бы, чтобы выдержать изоляцию и доказать, что даже в таких условиях можно прожить прекрасную жизнь!

Размышляя об этой теме, я должен прежде всего упомянуть два концептуальных события.

Первое касалось общественного статуса курдов.

Чтобы я желал свободной жизни, общество, с которым я был связан, должно быть свободным. Или, точнее, индивидуальное освобождение не могло бы произойти без общества. В социологическом смысле свобода личности полностью коррелировала с уровнем свободы общества. Применяя эту гипотезу к курдскому народу, я воспринимал жизнь курдов как нечто вроде темницы без стен вокруг. Я не рассматриваю это восприятие как литературный приём. Это абсолютная истина переживаемой реальности.

Второе, чтобы полностью понять эту концепцию, необходимо придерживаться этического принципа. Нужно полностью осознать тот факт, что можно жить в абсолютной зависимости от сообщества. Одно из важнейших убеждений, порождённых современностью — это убеждение человека в том, что он или она может выжить без зависимости от сообщества. Это убеждение — ложный нарратив.

На самом деле такой жизни нет, но нам навязывается принятие искусственной виртуальной реальности. Любое лишение этого принципа ведёт к растворению этики. Здесь истина и этика переплетены. Либеральный индивидуализм возможен только через растворение этического общества и разрыв его связей с восприятием истины. То, что он выставляется как доминирующий образ жизни нашей эпохи, не доказывает, что он верен. То же самое касается капиталистической системы, голосом которой является либеральный индивидуализм. Я пришёл к такому выводу в результате моего внимания к курдам как феномену и курдскому вопросу. В моей жизни есть двойственность, которую следует хорошо понять. Это бегство от курдскости и возвращение к ней. Культурный геноцид обеспечил готовность условий для бегства в любое время и при любых обстоятельствах..

Этот побег всегда поощряется. Моральный принцип вступает в игру именно в этот момент. Насколько правильно или хорошо бежать от собственного общества ради спасения личности?

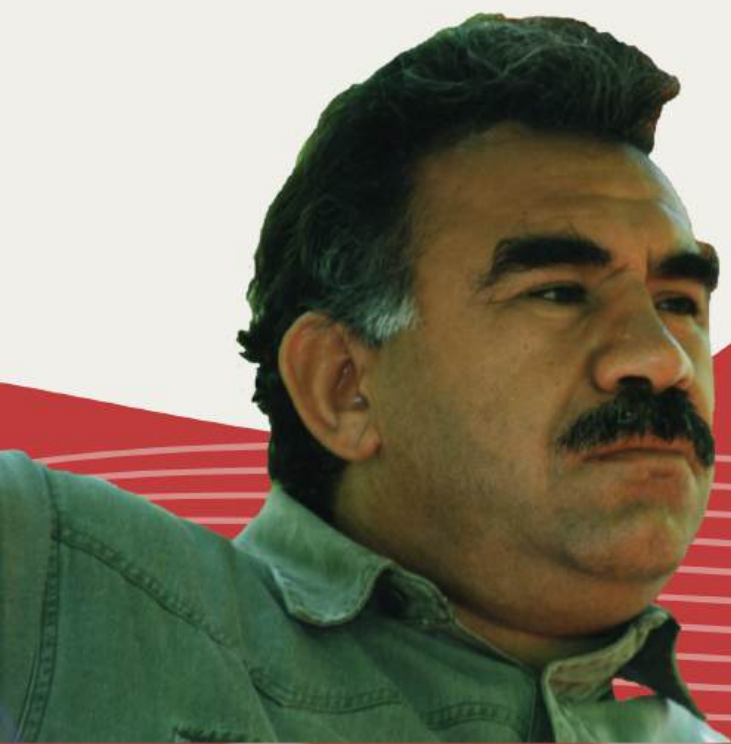
Я доучился до последнего курса университета, что означало, что моё индивидуальное спасение было гарантировано в то время. Начало моего возвращения к курдскости или, по крайней мере, моё обострённое внимание к ней именно в этот момент было выражением возвращения к моральному принципу. В социалистическом смысле это сообщество не обязательно должно было быть курдским, это могло быть какое-то другое сообщество. Но вам всё равно придётся так или иначе соединиться с социальным явлением, чтобы быть моральным человеком. Мне становилось ясно, что я не могу быть безнравственным человеком. Я использую здесь понятие нравственности в значении этики, в смысле этической теории. Я не говорю о примитивной морали, например, о той, которая диктует пожизненную верность какой-либо конкретной семье или подобной группе, потому что связь с курдами как явлением и их проблемным положением была возможна только через мораль как этику.

Абсолютно рабское положение курда, которое остаётся таковым и по сей день, окончательно отвратило меня от мечты о том, что свободная жизнь возможна. Я убедился в том, что у меня нет мира, где я мог бы жить свободно. Я смог тщательно сравнить внутреннюю тюрьму с внешней. Я пришёл к выводу, что плен во внешней тюрьме опаснее для человека.

Для курда жить с верой в то, что он или она свободны снаружи, является большим заблуждением. Жизнь, в которой преобладают заблуждения и ложь, — это жизнь, в которой есть предательство и утраты.

Вывод, который я из этого делаю, заключается в том, что жизнь на воле возможна только при одном условии: если человек каждую минуту своего дня проводит в борьбе за существование и свободу курдов и турецких рабочих в условиях капитализма. Курд сможет жить с моралью и достоинством только в том случае, если он станет круглосуточным борцом за свободу и существование.

Оценивая свою жизнь снаружи по этому принципу, я признаю, что прожил нравственную жизнь. Такова природа войны, что ответом на неё является смерть или тюремное заключение. Жизнь без войны – это жизнь, полная мошенничества и унижения, и, как таковая, смерть или тюрьма являются характером действия. Неспособность вынести тюремные условия противоречила бы самой цели моей жизни. Точно так же, как нельзя избежать ни одной формы борьбы за существование и свободу. Это справедливо и в отношении тюрьмы, поскольку она также является условием борьбы за свободную жизнь.



Когда дело доходит до курдов, и если предположить, что кто-то является социалистом и не находится под контролем капитализма, либерализма или извращённого религиозного фанатизма, то нет ничего, ради чего стоило бы жить, и нет мира, в котором можно было бы жить, кроме борьбы за моральную и этическую жизнь. Глядя на жизнь друзей в тюрьме в свете этой концепции, я увидел, что у них были серьёзные заблуждения. Либо они убедили себя, либо были убеждены, что жизнь можно прожить свободно, только находясь снаружи. Социологический анализ показал бы, что роль тюрем состоит в том, чтобы создать у человека ложное стремление к свободе. В условиях современности тюрьмы очень тщательно строятся для этой цели. Когда люди выходят из тюрьмы, один из вариантов заключается в том, чтобы принять жизнь лжи и обмана, и в этом случае любые ожидания от них революционных действий или моральной и достойной жизни напрасны, пустая надежда, или же они смогут вести свою борьбу с большим успехом благодаря зрелости, которая приходит с тюремным опытом..

Тюрьмы предназначены не только для реабилитации, они также являются местами, где люди учатся эффективно выполнять моральные и добровольные обязанности перед обществом. То же самое относится и к борцам за свободу, которые отправляются в горы. Быть борцом за свободу означает выполнять свои моральные и политические обязанности перед обществом на высочайшем уровне и брать на себя этот осознанный и этический долг. Это означает делать всё необходимое для освобождения в рамках самозащиты. Стать борцом за свободу – это не способ добиться личного влияния или власти.

Это была бы не борьба за свободу, а борьба за власть. Для таких людей уход в горы (или уход из них) не имеет никакой моральной или общественной ценности. Они легко прибегают к предательству, когда не находят того, что ищут. Эти люди не могут выполнять свои обязанности перед обществом ни в какой области.

Под всем этим я подразумеваю следующее: все места имеют одинаковые характеристики для тех, чье социальное существование находится в состоянии абсолютного порабощения, и тех, кто пережил распад. Бессмысленные различия, такие как «внутри плохо, снаружи хорошо» или «вооруженный плохо, безоружный хорошо», не изменяют фундаментальных усилий и цели борьбы за существование и свободу.

Поскольку человеческая жизнь имеет смысл только тогда, когда она прожита свободно, то место, где жизнь протекает без свободы, является темницей.

Вторая концепция — это развитие восприятия реальности в связи с первой. Единственное средство, гарантирующее силу выстоять в тюрьме, — это развитие восприятия реальности. Сильный опыт восприятия действительности, относящейся к жизни вообще, есть достижение величайшего наслаждения жизнью или даже смысла жизни. Если люди хорошо понимают, ради чего они живут, они без проблем смогут жить где угодно. Жизнь теряет смысл, если она проводится в постоянном состоянии заблуждения и лжи, открывая путь вырождению самой жизни.

Недовольство, дискомфорт, ссоры, сквернословие... Это естественные итоги деградирующей жизни. Человеческая жизнь — абсолютное чудо для тех, кто обладает развитым восприятием реальности. Жизнь — источник волнения и энтузиазма, она хранит тайный смысл Вселенной. Когда человек открывает этот секрет, даже в тюрьме, продолжительность жизни не представляет проблемы.

Если тюрьма создана ради свободы, то в ней будет расти восприятие реальности. Жизнь, развивающаяся таким образом, может превратить самую острую боль в счастье.

Для меня тюрьма Имралы стала настоящим полем битвы за реальность в плане понимания феномена курдов и курдского вопроса, а также создания возможностей для его решения. Внешне дискурс и действие имеют большую значимость. Внутри смысл царит безраздельно. Снаружи мне было бы очень трудно развивать идеи, касающиеся политической философии, которые я выразил более обширно и конкретно в этой защите.

Даже понимание самой концепции политики требует больших усилий, требует чёткого восприятия реальности. Можно сказать, что моё осознание себя как позитивистского догматика тесно связано с моим пребыванием в изоляции.

В условиях изоляции я отчётливее понял, что существуют различные концептуализации современности и разнообразные модели построения наций, и что общественные структуры являются искусственными и вымышленными, а также гибкими по своей природе.

Для меня было важно преодолеть концепцию национального государства. Эта концепция долгое время была для меня марксистско-ленинско-сталинским принципом, она была по своей природе догмой, которую никогда не следует менять. Когда я сосредоточился на общественной природе, цивилизации и современности, я понял, что этот принцип не может иметь ничего общего с социализмом и что это всего лишь остаток классовой цивилизации и максимального общественного стремления к власти, узаконенного капитализмом. В результате я без колебаний отверг его. Если бы существовал действительно научный социализм, как утверждается, то те, кому нужно было бы измениться, были хозяевами реального социализма, то есть такими людьми, как Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Мао и Кастро. Принятие капиталистической концепции было для них большой ошибкой, и это нанесло большой вред делу социализма.

Когда я осознал, что капиталистический либерализм обладает чрезвычайно сильной идеологической гегемонией, я стал лучше анализировать современность. Я увидел, что демократическая современность не только возможна, но и более реальна, более современна и более пригодна для жизни, чем капиталистическая современность. Поскольку реальный социализм никогда не выходил за рамки понятия национальных государств, принимая его как фундаментальную истину для современности, мы никогда не думали, что может существовать другой вид национализма, например, демократический национализм. Нация не может существовать без государства!

Если бы курды были нацией, у них должно было быть государство! Но когда я, сосредоточив внимание на социальных явлениях, пришёл к пониманию того, что нация сама по себе представляла собой наиболее разрозненную реальность последних столетий, что она сформировалась под сильным влиянием капитализма и что модель национального государства была железной клеткой для обществ, я понял, что свобода и общность — более ценные понятия. Осознав, что борьба за национальные государства на самом деле была борьбой за капитализм, моя политическая философия значительно трансформировалась. Борьба за национализм и классицизм (оба, по сути, вели бы к одному и тому же) не приведёт ни к чему, кроме укрепления капитализма. Я понял, что в каком-то смысле я был жертвой капиталистической современности. Когда я пришёл к пониманию того, что социальные науки, навязанные современностью, были не настоящими науками, а современными мифологиями, моё осознание истории и общества стало куда глубже. В моём понимании истины произошёл переворот. Разорвав капиталистические догмы, я начал знакомиться с обществом и историей с бóльшим удовольствием, понимая больше истины. В то время я называл себя «Охотником за правдой».



В турецком языке есть поговорка: «Беги, заяц, беги! Лови, гончая, лови!», которую капиталистическая современность навязывает курдам. Я перевернул её смысл с ног на голову, превратив его в «охотничья капиталистическая современность». Когда восприятие реальности развивается как единое целое, оно обеспечивает превосходство смысла, которое не может сравниться ни с чем предыдущим, независимо от того, на какую область мы смотрим, будь то социальная, или даже физическая или биологическая. В тюремных условиях я мог совершать столько ежедневных революций истины, сколько хотел. Само собой разумеется, что ничто другое не могло обеспечить такую выносливость, как это.

Укрепление понимания истины также повлияло на выработку практических решений. Турецкому государственному мышлению всегда приписывали священность и уникальность. Концепция управления напоминает концепцию государства. Это мышление берёт свои корни у шумеров и передавалось из поколения в поколение как в арабской, так и в фарси культуре, сливаясь с божественным.

Феномен власти занимает прочное положение в корне концепции монотеизма. Турки, как элита, сформированная среди власть имущих, разработали, возможно, четвёртую или пятую версию этой концепции. Не зная её корней или этимологии, они находились под влиянием её последствий. В сельджукской и османской практике она была окутана совершенно тёмным смыслом или, точнее, бессмысленностью. Дошло до того, что иногда десятки братьев, сестёр или родственников были казнены в погоне за властью.

С приходом республики это понимание облачилось в другую маскировку — или, скорее, национальный суверенитет и национальное государство, разработанные в Европе, были применены непосредственно к правящей власти без каких-либо адаптаций. Это сделало турецкое национальное государство ещё более опасным Левиафаном. Всех, кто этому препятствовал, казнили. Национальное государство было самой священной из всех священных вещей. Особенно это касалось класса бюрократов. Проблема власти и государства стала самой сложной социальной проблемой в его истории. В Имралы я сосредоточился в основном на концепциях власти и государства.

Когда я пришёл к пониманию того, какую роль эти концепции играли в отношениях между турками и курдами, я почувствовал сильное желание обратиться к более конкретным, практическим решениям. Я также почувствовал необходимость проследить тысячелетнее развитие власти и государственных соглашений относительно турецко-курдских отношений вплоть до хеттов. И по мере того, как я лучше понимал тесные геополитические и геостратегические отношения между культурами власти и государства в Месопотамии и Анатолии и применял это к турецко-курдским отношениям, я мог легко увидеть, что проведение различий между государством и властью не было разумным методом. Я не принимал концепции власти и государства, поскольку они были, разработаны против концепции демократии. Чем больше я видел, что отказ от всего управления в пользу власти и государственных сил был большой потерей для общества, тем лучше я понимал важность демократии.

Понимая, что анархическое отрицание власти и государства привело к серьёзным проблемам неразрешимости на практике, я осознал, что отрицание разделения власти и государства несовместимо с историческим фактом, хотя это и не был метод решения, который я бы предпочёл. Демократическое правительство было нашим основным предпочтением, но я лучше понял значение концепций власти и государства в партнёрстве, поскольку я понял, что отрицание единых культур власти и государства на протяжении истории и неспособность понять те аспекты, которые были правильными для совместного использования с точки зрения общества, не могут привести к здоровым, практическим решениям.

Имели место интенсивные отношения и попытки, поскольку часто сходящиеся модели были опробованы в политике и стратегиях власти и государства в Анатолии и Месопотамии на протяжении всей истории. Аналогичные модели также предпочитались во все критические периоды турецко-курдских отношений. Эта модель была опробована совсем недавно во время национально-освободительной войны. Я подробно рассмотрел эти вопросы в своей защите. Помимо представления этих вопросов в форме теоретической модели, имела огромное значение их трансформация в практический проект для решения не только турецко-курдских отношений, но и других кризисов на Ближнем Востоке, которые также оказались в тупике. В частности, проект включал элементы, которые были совместимы с историческими фактами и наиболее близки к идеалам каждого для практического решения против позитивистского догматизма, навязанного капиталистической современностью.

Было важно сосредоточиться на концепциях демократической современности, демократической нации и демократической автономии в отношении власти и государства в свете исторических событий.

Другая историческая реальность заключалась в том, что центральное правительство было исключением, в то время как местные органы власти были правилом. По мере того, как я лучше понимал связь между капитализмом и представлением централизованного национального государства как единой и абсолютной модели сегодня, и его внутренние механизмы становились для меня более чёткими, важность локальных решений для демократии становилась яснее.

Я пришёл к аналогичным выводам относительно связи между насилием и властью. Было очевидно, что мы не могли предпочесть стать властью и нацией посредством насилия. За исключением случаев с требованием обязательной самообороны, достижение социального преимущества посредством насилия также не имело ничего общего с социализмом. За исключением самообороны, насилие любого характера может быть применимо только в целях монополии на власть и эксплуатацию. Концептуальное развитие в этом направлении придавало большое значение более принципиальному и осмысленному подходу к вопросу мира. Я достиг значительного концептуального и теоретического накопления, которое аннулировало бы ярлыки «сепаратист» и «террорист», навешиваемые государством и элитами, которые оказывали давление на курдов и, по сути, на все слои общества, подвергающиеся угнетению и эксплуатации.

Наши диалоги с государственными органами на основе этого концептуального и теоретического накопления были более плодотворными и обеспечивали креативность для практических решений. Как видно из различных разделов моей защиты, можно было разработать теоретические и практические решения с учётом достижений в восприятии реальности и общественной свободы во многих аналогичных областях.

Если не считать физических причин, приводящих к проблемам со здоровьем, для меня нет ничего невыносимого в жизни в Имралы. Мой моральный дух, сознание и сила воли не снизились, напротив, они более утончены, чем прежде, возвращены эстетикой и обогащены посредством прекрасного развития. По мере того, как я постепенно развиваю объяснения социальных истин посредством науки, философии и эстетики, возможности для правильной, лучшей и красивой жизни также возрастают. Я бы предпочёл остаться в своей камере один до последнего вздоха, чем жить с людьми, сбитыми с пути истины капиталистической современностью.

Один из вопросов, который волнует наших людей в связи с моей жизнью в Имралы, касается того, где и как я буду жить, если выйду из тюрьмы. Я не склонен к иллюзиям. Всем должно быть известно, что мой образ жизни — это то, что называется революционным реализмом. На такие вопросы лучше отвечать, если посмотреть не на мою жизнь после возможного освобождения, а на всю историю моей жизни, начиная с детства.

Мои первые «бунты», против семейного авторитета, когда мне было меньше десяти лет, несут в себе важные подсказки в этом вопросе. Я уже тогда был одиноким бунтовщиком. Я пытался выразить свои возражения против сельских и городских общин в некоторых местах моей защиты. Любой, кому интересно, может найти необходимые вопросы и ответы вместе там. Короче говоря, для меня жизнь возможна только в том случае, если она прожита свободно. В своей последней пятитомной защите я попытался объяснить, что означает свободная жизнь.

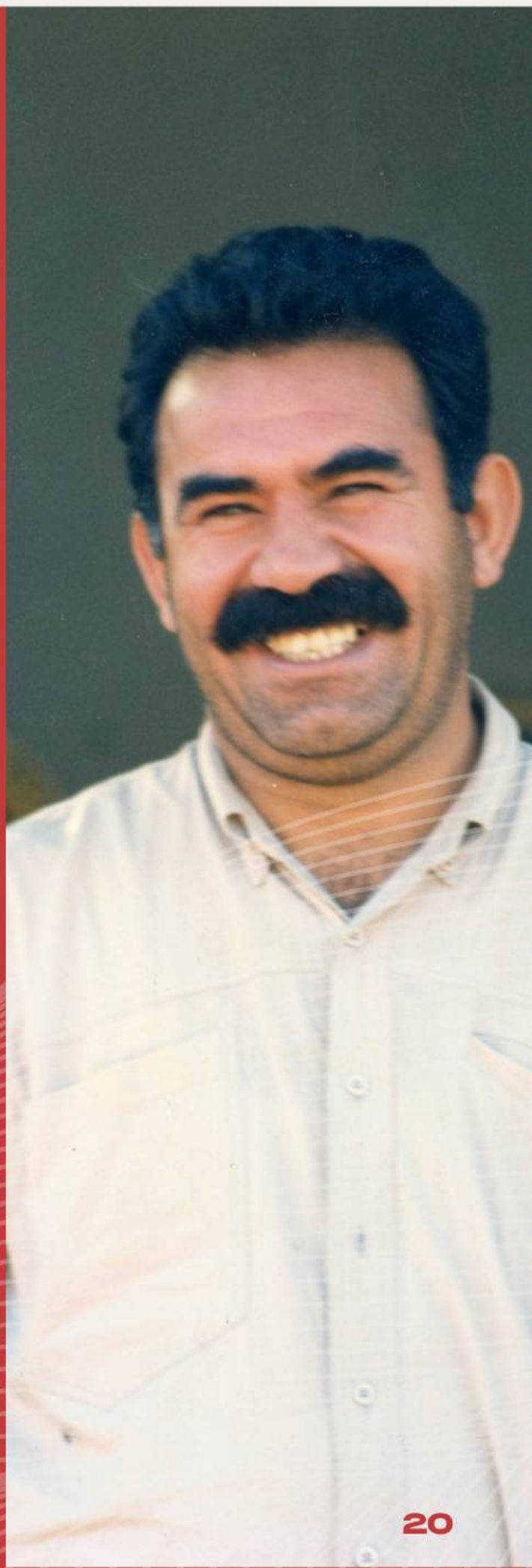


Жизнь, которая не является этической, справедливой и политической, — это жизнь, которую с точки зрения общности не следует проживать.

Посредством монополий идеологического угнетения и эксплуатации, которые они вызывают, цивилизация в целом и капиталистическая современность в частности делают возможным жить и гарантировать принятие неправильного образа жизни, пронизанного всеми видами рабства, демагогии и индивидуализма. Именно так возникают события, определяемые как социальные проблемы. Назовём ли мы их социалистическими, сторонниками свободы, демократическими или коммунистическими, все те, кто считает себя революционерами, должны возражать и выступать против цивилизаций, основанных на угнетении и эксплуатации со стороны элитного класса, города и власти, а также на доминирующем образе жизни современности. В противном случае — справедливый, свободный, демократический и общественный образ жизни не может стать реальностью и, следовательно, не может быть прожит — любая жизнь, прожитая таким образом, была бы полна лжи, обмана, злодеяний и уродства. Это называется неправильным образом жизни без надлежащей основы.

Те, кто желает примкнуть к моей фигуре или ко мне в качестве лидера и получить от этого пользу, не обладая пониманием, могут испытать глубокое разочарование.

Проявление понимания и участия — это не индивидуальное, а общественное дело.





Еще один популярный вопрос — о моём образе жизни с женщинами. В каждом из своих томов можно найти отрывки, в которых я писал о том, как жить вместе с женщинами. Жизнь с женщинами особенно значима в условиях современности. Это не тот вопрос, который можно решить, спрашивая, выискивая и обманывая девушек, будь то в публичных домах или в частных домах, или живя с ними вместе с детьми или без них.

Чтобы решить эту проблему, которая занимает почётное место в сердце и уме общественных проблем, подход должен быть научным, философским, этическим и эстетическим. В эпоху, в которой мы живем, в условиях капиталистической современности, равноправная, свободная жизнь вместе с женщинами — это жизнь, которая требует большой ответственности и сильного подхода, основанного на науке, философии, этике и эстетике. Без знания статуса, навязанного женщинам на протяжении всей истории цивилизации и в современную эпоху, без этического и эстетического подхода попытки любой совместной жизни приведут к злодеяниям, безнравственности и уродству.

Чтобы не тратить жизнь впустую, необходимо отдать приоритет реализации правильных, нравственных и эстетических форм жизни вместе с женщинами.

Анализ характера женщин, над которыми были испробованы и которым были навязаны все виды порабощения, и превращение женщин в товарищей и спутниц жизни в деле свободы и равенства являются основополагающими условиями для становления праведных, нравственных и прекрасных мужчин.

Причины, по которым я ценю такой образ жизни и считаю его принципиальным, будут лучше поняты, если слова в моей защите будут прочитаны верно. Образ жизни, основанный на примитивном сексистском «господстве» над женщинами (как форма отношений, в которых вырождается даже биологическая сексуальность), навязанный властоцентрической этикой цивилизации современности, порождает огромную безнравственность и уродство. Если со временем моя великая война против этого и её результаты будут правильно поняты, жизнь вместе с женщинами будет прожита с более высокой моралью и красотой. Каждый мужчина и каждая женщина, которые берут на себя долю ответственности за это, и в частности за расширение прав и возможностей женщин и за достижение равенства во всех сферах общественной жизни, должны постоянно развивать и организовывать научные, философские, этические и эстетические подходы и практики, и поощрять возрождение мышления и институтов демократической нации.

Будь то в тюрьме или за её пределами, в утробе матери или в любой момент времени и пространства, только сообще можно прожить человеческую жизнь свободно, равноправно, с разнообразием, и демократично. Любой образ жизни за пределами этого является девиантным и, следовательно, нездоровым. С этим девиантом борются с помощью различных общественных нарративов и действий, включая революцию, чтобы вернуть его на правильный путь и сделать его здоровым. С этой целью формируются этический, эстетический, философский и научный образ мышления и воля.



Итак, где бы и когда бы я ни был, когда возникнет возможность освобождения, вполне естественно, что я буду находиться в постоянной борьбе до конца, с любым необходимым дискурсом и образом действий, за сообщество, частью которого я стремлюсь быть, за курдов, которые страдают от самой трагической реальности, за их достижение демократической государственности, которая является их путём к решению и освобождению, за Союз демократических наций, который является путём к решению и освобождению для всех народов Ближнего Востока, начиная с их соседей, и за Союз демократических наций, который является путём к решению и освобождению для всех народов мира, частью которого они являются. Я буду идти вперёд с моим характером истины, который я завоевал в значительной степени благодаря этической, эстетической, философской и научной силе, ставшей необходимой для этого, я завоюю жизнь и поделюсь ею со всеми.

21 декабря 2010 г.
Абдулла Оджалан

Осуждённый в одиночном заключении в тюрьме типа F в Имралы
Президенту
Европейского суда по правам человека,
Страсбург/Франция

Об Абдулле Оджалане:

Абдулла Оджалан, известный как «Лидер Апо», — революционный мыслитель, курдский лидер и идеолог курдского освободительного движения. Родившийся в 1948 году в небольшой деревне в провинции Шаньлурфа, Оджалан стал свидетелем угнетения и нищеты, которым подвергался курдский народ со стороны турецкого государства. Этот опыт пробудил в нём глубокий поиск справедливости, равенства и свободы угнетенных народов во всем мире. В 1978 году он стал соучредителем Рабочей партии Курдистана (РПК), движения, изначально стремившегося к независимости курдов, но с тех пор переросшего в более широкую борьбу за демократический конфедерализм — радикальную модель низовой демократии, свободы женщин и экологичной жизни.

Похищенный в 1999 году в результате международного заговора, организованного мировыми державами, Оджалан с тех пор находится в заключении на острове Имралы. Однако из своего одиночного заключения он продолжает вдохновлять революционные преобразования не только в Курдистане, но и на всём Ближнем Востоке и за его пределами. Его труды бросают вызов иерархическим и патриархальным структурам, призывая к обществу, построенному на принципах общинной жизни, прямой демократии и сосуществования.

**БОЛЬШЕ ТЕКСТОВ И БРОШЮР:
INTERNATIONALISTCOMMUNE.COM**

Я завоюю жизнь и поделюсь ею со всеми

